

Ю. Я. Козлов

Верхнеуральскъ

В ВЕРХОВЬЯХ
УРАЛА

ОРЕНБУРГ

КАЗАНЬ

1743-1917

001 1. 13

Автор сердечно благодарен генеральному директору группы фирм «Агстром» **Олегу Владимировичу Жорнику**, чья поддержка и спонсорская помощь обеспечили работу над книгой и ее издание.

К ЧИТАТЕЛЮ

Хорошей традицией сегодня становится воссоздание истории малых городов и поселков, без которой не может быть полной историческая картина развития региона и страны в целом. История Уральского края богата как событиями, так и интересными историческими персонажами.

Уже издается серия работ по истории малых городов Среднего Урала, история Южного Урала не в меньшей степени заслуживает подобного издания. Пополнить ряд таких работ может краеведческое исследование Юрия Яковлевича Козлова, написанное на основе многолетнего изучения источников, кропотливой работы в архивах. Книга написана с любовью к своему краю, содержит много ярких деталей и человеческих историй. Автором собран богатейший иллюстративный материал.

Очень ценным является и тщательный подбор доказательств, объясняющих логику принятия тех или иных исторических решений.

Издание работы Ю. Я. Козлова может стать не только подарком к юбилейной дате одного из крупных районных центров Челябинской области. Книга наверняка будет востребована в школьной и студенческой аудиториях, она будет интересна и профессиональным историкам, и жителям района, которые на ее страницах найдут и историю своих предков.

Т. К. Махрова,
профессор кафедры отечественной истории
Челябинского юридического института,
доктор исторических наук

Козлов, Ю. Я.

В верховьях Урала, 1743–1917 / Ю. Я. Козлов. – Челябинск : Книга, 2008. – 240 с.

Агентство СТР Челябинской ОУНБ

Краеведческое исследование Ю. Я. Козлова посвящено ярким аспектам истории Оренбургского казачьего войска, имеющим прямое отношение к становлению и развитию Магнитного станичного юрта и особенно поселка Агаловка – одного из крупных районных центров Челябинской области – правопреемника станицы Магнитной. В историческом плане работа охватывает период с 30-х годов XVIII века до 1917 года и основана на изучении большого количества ранее не исследованных архивных документов, документов из личных архивов, коллекций потомков оренбургских казаков, воспоминаний старожилов, редких книг и объектов материальной культуры. Книга содержит богатейший иллюстративный материал, в числе которого копии архивных документов, рисунки, фотографии, карты. Рассчитана на широкий круг читателей – всех кто интересуется историей Урала, военной историей, историей казачества; школьную и студенческую аудиторию, преподавателей.

— в старшем рядового звания относился к ротным цирюльникам (он же и лекарь. — *Авт.*), профос, денщики.

Денщиков в гарнизоне крепости Магнитной было трое. Они выполняли обязанности офицерской прислуги, и двое из них жили при дворе семейства капитана и один при семействе поручика. Профос в гарнизонной роте наблюдал за чистотой и исполнял физические наказания.

Каптенармус входил в число унтер-офицеров (мл. сержант. — *Авт.*) и был ротным кладовщиком, отвечал за имущество роты, обмундирование. Барабанщик передавал сигналы командира роты, задавал ритм шага ротного строя с помощью барабана. На рисунке с изображением барабанщика видна так называемая занавеска для сбережения штанов от носимого на перевязи медного барабана, которая представляла собой телячью шкуру, выделанную мехом вверх.

Занавеска подвязывалась верхним широким концом по поясу под камзолом, а нижним, узким, под коленом. Как уже было сказано, в составе гарнизона крепости Магнитной отмечены 10 человек католического вероисповедания. Судя по всему эти солдаты были из числа польских конфедератов, взятых в плен в период боевых действий русского экспедиционного корпуса (1768–1772 гг.).

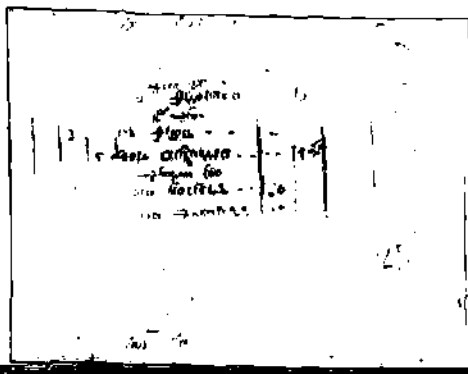
До двух тысяч конфедератов были вывезены в Россию и поселены в Сибири, Казани, Оренбургской губернии. Многие из них были зачислены солдатами для несения гарнизонной службы. Как уже было сказано, из 90 рядовых солдат гарнизона крепости Магнитной более половины, 54 человека, составляли молодые солдаты в возрасте от 18 до 29 лет, 17 солдат были в возрасте от 30 до 37 лет и имели возраст от 40 лет до 49 лет 19 человек.

Отмеченные росписью пять дворов крепости Магнитной представляли собой солдатские казармы, в которых размещались 47 рядовых, профос и одна солдатская семья из трех человек. 34 двора занимали остальные солдаты гарнизона со своими семьями, в том числе и отставные. В этих домах жили на постое 17 бес семейных солдат.

Отставных военных чинов в крепости было 13 человек, в числе которых значились: вахмистр, подпрапорщик и 11 рядовых. Отставные военные составляли 11 семей. Они имели 12 домовладений. Столетний солдат Евдоким Темников был вдов и жил в доме солдата Краснова. Взрослая женская часть населения насчитыва-

ла 53 человека, а в семьях гарнизона и жителей крепости было 96 человек детей. Эти сведения дополним интересным фактом.

В то время в каждой гарнизонной роте полагалось иметь шестью человеками менее комплекта, штатом определенного, и из оставшейся от того суммы содержалась при каждом гарнизоне «школа, для обучения солдатских детей и для приуготовления их в разные строевые и нестроевые должности, нижшим чином присвоенные. Дети сии имели название школьничков и получали от казны: кафтан из сермяжного, с воротником и обилагами из красного сукна, и с розовыми пуговицами; шубу овчинную, с покрывною из сурового полотна, шапку из красного сукна, с черным околышем, с овчинным исподом и с шерстяною кистью, имеющую в каждом классе особый цвет, галстук, башмаки, с пряжками, и шерстяные чулки».

Фрагмент духовной росписи крепости Магнитной, 1773 г.

ПУШКИ КРЕПОСТИ

Количественный состав гарнизона крепости Магнитной таковым оставался и в мае месяце 1774 года, накануне штурма пугачевцами. По крайней мере все известные источники указывают число гарнизона в пределах 100 человек, и нет каких-либо оснований полагать, что крепость, находившаяся в осаде, получила подкрепление в живой силе.

Особый интерес вызывает невыясненный до сего дня вопрос о количестве пушек в крепости Магнитной накануне штурма ее пугачевским воинством. Магнитогорский историк А. Г. Дегтярев, повествуя о событиях, связанных со штурмом крепости, указал, что «гарнизон Магнитной крепости состоял из одной роты драгун и полутора рот пехоты, но с началом Крестьянской войны был усилен. Крепость имела много артиллерии и боеприпасов. По сведениям Ступишина, в гарнизоне было 8 трехфунтовых чугунных и медных пушек и 9 пушек меньшего калибра»¹⁸.

Выше мы уже говорили о количественном составе гарнизона Магнитной крепости, и нет особой нужды комментировать вымысел о роте драгун и 1,5 пехотной роты. Явно завышенным является и указанное А. Г. Дегтяревым число артиллерийских орудий в крепости Магнитной. Историк И. Ф. Галигузов и писатель В. П. Бакалов в своей книге «Станица Магнитная», ссылаясь на сообщение коменданта крепости Верхнеяицкой, указывают, что в крепости было 10 орудий¹⁹.

Барабанщик и музыкант пехотного полка. 1763–1786 гг.

Барабанщики оренбургских гарнизонов

Пушкеры пехотного полка

Обратимся теперь к тому, что сообщал об этом Ступишин, комендант Верхнеяицкой крепости, со ссылкой на которого историк А. Г. Дегтярев указывал на наличие в крепости 17 пушек. А. И. Дмитриев-Мамонов, автор обширного документального исследования «Пугачевщина в Сибири», изданного в 1898 году, приводит рапорт коменданта Верхнеяицкой крепости полковника Ступишина от 12 мая 1774 года «Коликое число состояло в Магнитной крепости, сначала благополучия, какой артиллерии и при ней снаряды, также разного пороху и ядер:

1) Пушек чугунных: 3-фунтовых – 3, снарядов с ядрами – 82, с картечами – 10.

2) Однофунтовых – 2, снарядов с ядрами – 24, с картечами – 115.

3) 1/4-фунтовых – 2, снарядов с ядрами – 100, с картечами – 12.

4) 24-лотовая, при ней снарядов не имеется (1 лог – 3 золотника, или 12,78 грамма. – Авт.).

5) Пушек медных 3-фунтовых – 2, ядер – 462.

Пороху пушечного – 33 пуда, мушкетного – 7 пудов».

На основе этого рапорта Дмитриев-Мамонов, упоминая о штурме крепости Магнитной, указал, что гарнизон оборонялся, имея 10 орудий.

Как видим, А. Г. Дегтярев внес свою лепту в приумножение недостоверных сведений о вооружении крепости Магнитной, увеличив число крепостных орудий почти вдвое, указывая, что их было 17.

А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева» отметил, что Пугачев, покидая крепость, забрал из нее 4 пушки.

Очевидно, он располагал какими-то источниками, внушающими полное доверие, так как и сам Пугачев называл именно это число. Дело в том, что Пушкин неоднократно просил у Николая I и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа разрешения составить краткую выписку из материалов следствия по делу Пугачева, но эти его попытки были безуспешными. Еще 60 лет после того времени дело оставалось секретным и оставалось недоступным для историков.

Знакомство с допросами Пугачева подтверждает верность сообщаемых Пушкиным сведений. На допросе 16 сентября 1774 года в Яицке Пугачев указал, что после захвата крепости Магнитной, «войдя во оную, получил тут четыре пушки, пороху и протчих припасов...»⁴⁰. В протоколе допроса 4 ноября 1774 года в Москве «взял четыре пушки и четыре бочонка пороху...»⁴¹. Почему Пугачев, нуждавшийся в артиллерийских орудиях, забрал из крепости только 4 пушки – не совсем ясно. Имелись ли в крепости 10 пушек перед штурмом? Мелкокалиберная 24-лотовая пушка – старый фальконет, к которой не было снарядов, явно в бою не применялась. Нет достоверных сведений о том, из каких крепостей Верхнеяицкой дистанции были выделены 4 пушки, которые поступили в формировавшийся корпус Корфа, направленный на помощь Оренбургу.

Возможно, мотивы того, почему Пугачев не воспользовался и другими орудиями, можно отчасти понять, используя метод близкой аналогии. Так, в мае 1774 года генерал Станиславский, двигаясь к крепости Верхнеяицкой, забрал с собой малочисленную команду гарнизона крепости Уртазымской, опасаясь, что при нападении на нее отрядов Пугачева, ее оборона будет сломлена.

В крепости находилось 7 чугунных пушек, которые пришло было невозможным забрать, и тем, кто оставался в крепости, вменялось при угрозе захвата крепости утопить последние в реке. Чугунные орудия имели большой вес (до 250 кг. – Авт.) и, возможно, стационарные лафеты, а, значит, их было сложно транспортировать конной тягой, в отличие от орудий, имеющих лафеты с колесами. По этой же причине и Пугачев мог отказаться от имевшихся в крепости Магнитной чугунных орудий, а их, как мы уже знаем, было три.

НАКАНУНЕ ШТУРМА

Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головешка пилушка, да и своя шейка копейка.

А. С. Пушкин

В начале 1773 года, как и всегда, гарнизон крепости, ее население жили своими повседневными трудами и заботами и ничто еще не предвещало надвигающейся беды, которая кровью и пожарами поднимется и растечется от низовьев Яика до его верховий.

Это только на исходе лета недалеко от Яицкого городка появится беглый хорунжий Донского войска Емельян Пугачев. «Платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распушенная, рубашка крестьянская, холстинная, у которой ворот вышит был шелком наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные, белые»¹².

К началу XVIII века общинная организация яицких казаков достигла своего расцвета. Влияние центральной власти на внутреннюю жизнь казачьей общины было минимальным, что вполне удовлетворяло казаков и их старшину.

В период петровских преобразований они были переподчинены Военной коллегии, что обусловило заметные перемены в войске. Наступление власти на казачью волюницу вызывало яростное сопротивление казачьих общин, приводило к мятежам и бунтам.

В 1772 году силами правительственных войск был подавлен очередной бунт яицких казаков, но многолетний конфликт так и не был погашен, так как власти попытались, используя ситуацию, ликвидировать остатки независимости яицких казаков.

«С появлением в войске беглого хорунжего Донского войска Е. И. Пугачева, объявившего себя императором Петром III, яицкие казаки были готовы к открытой

Портрет Е. И. Пугачева

борьбе за свои права. Обещанием восстания и исконные казачьи права и привилегии, Пугачев получил почти поголовную поддержку казаков-староверов, обширный край охватил пожар небывалого по силе восстания»⁴³.

А пока, по весне, гарнизон готовился к напряженным летним будням, в те времена всегда тревожным и опасным из-за внезапных нападений отдельных отрядов незамырившихся башкир или степняков с левобережья Яика, промышлявших барантой (грабеж скота, имущества. — Авт.) и захватами людей, которых они продавали на невольничьих рынках. Как мы уже отмечали, казаки в описываемый период были в составе гарнизонов только части линейных крепостей.

В крепости Магнитной они еще не жили, а охрана форпостов, разъезды, сторожевые караулы на этом участке пограничной линии производили командированные казаки-башкиры. Вполне возможно, что жили они рядом со стенами крепости, как это отмечалось и позднее.

Так, в 1795 году в «Экономических примечаниях к планам генерального межевания Верхнеуральского уезда», в части относящейся к крепости Магнитной, говорится: «Вне оной кладбище, деташемент, заведенный для бережения границы от кочующих киргиз-кайсакских набегов, в которых понаделаны вместо домов землянки, в них помещаются командированные для караулу и разъездов нерегулярные войска. Казаки-башкирцы содержат оный ютюя с 1 числа по 1 ноября и сменяются таковыми ж. Верхне-Кизильский, Янгельский (редуты. — Авт.) реки Урала на правой и при большой столбовой дороге: в них конвойных по осьмидесяти человек...»⁴⁴.

Ф. М. Стариков, историк Оренбургского казачьего войска, так писал о времени, когда стали разворачиваться события, связанные с Пугачевским бунтом: «С появлением Пугачева и его сообщников около Оренбурга, был нарушен порядок сторожевой службы по всей Оренбургской пограничной линии: редуты и форпосты были брошены; разъезды казаков между ними прекратились, наблюдательные посты были сняты, линия открылась и как бы распахнулась, наездам и грабёжам киргиз представился широкий простор. Не встречая нигде препятствий, они свободно переходили границу; партиями рыскали около жилищ и в октябре 1773 года стали грабить и разорять крепости и редуты, сразу по всей линии, отбивая у жителей скот и увозя людей в плен»⁴⁵.

4 декабря 1773 года комендант Верхнеяицкой крепости полковник Ступишин сообщал, что башкиры бунтуют, приступали числом около 6 тысяч человек к крепости, но были отбиты. Редут Верхнекизильский ими разрушен, а крепость Магнитная блокирована. Дмитриев-Мамонов в своей работе о пугачевщине⁴⁶ отмечал, что башкиры не щадили в грабежах и разбоях казаков, производили нападение на редуты и крепости, охраняемые казаками, почему атаман уйских

казачков Кашигин, ввиду неоднократного нападения на Уйскую крепость, нижайшим рапортом «от имени своих казаков просил защитить и оборотить ее императорского величества милосердием. От Башкирцев сильная гибель, всеобщая, 12 декабря 30 человек убили. Мир православный плачет!». Просил о помощи и заводские крестьяне.

В пропении своем, поданном коменданту Ступишину, крестьяне Бездоренского завода писали: «Мы реченные крестьяне пришли в крайнее разорение, от здешняго завода ни на полверсты выехать не можно и без корму помирает вся наша скотина, а сего декабря 12 числа имевшийся у нас в поле пржашый хлеб башкиры сожгли, также дома наши жгут и приводят нас в крайнее раворение и убожество. Того ради вспоможения ездити просим, хотя не большию команду прислатъ».

Войска, пришедшие из Сибири под командованием генерала И. А. Декалонга, вскоре ушли к Челябинской крепости, а Оренбургская линия осталась со своими маломощными силами. После освобождения Челябинска генерал И. А. Декалонг по предписанию должен был охранять екатеринбургские заводы.

С уходом войск крепости, расположенные на линии от Верхнеяицкой до Орской, постоянно подвергались нападениям отрядов, состоящих из башкир и частью из исетских казаков и заводских крестьян.

Как отмечал Дмитриев-Мамонов, в это же время находящиеся на службе в крепостях этой дистанции польские конфедераты «настойчивее, чем прежде, выражали свое недовольство против насильственного их задержания, жалуясь на плохое довольствие в гарнизонных частях».

В крепости Кизильской, по донесению ее коменданта секунд-майора Демидова, из состава Кизильского батальона «10 солдат конфедератов, при одном унтер-офицере, 8 января с ружьями, патронами и с полною аммунициею бежали в кочевья бунтовщиков башкир».

В феврале 1774 года генерал Декалонг повел войска к Екатеринбург, руководствуясь при этом своими соображениями, через Шадринск. За войсками двинулась вслед и Исетская провинциальная канцелярия во главе с воеводой Вревкиным с обозом с делами канцелярии и денежной казной под охраной рекрут тобольских рот.

Оставили свои жилища и часть имущества челябинские жители, многие крестьяне близлежащих деревень.

Исетская провинция вновь наполнилась волнением.

Восстанием были охвачены и обширные территории юго-западной части Сибирской губернии, при этом ситуация осложнялась тем, что киргиз-кайсак Средней орды стали переходить линию и нападать на крестьянские селения, грабя и убивая их жителей. Генерал Декалонг получил 18 февраля 1774 года отношение от главнокомандующего войсками, действовавшими против пугачевцев, А. И. Бибикова, отправленное 20 января 1774 года, в котором последний просил Декалонга произвести движение к Оренбургу, «дабы тем сделать диверсию злодею и в то же время транспортировать провиант и фураж для Оренбурга... Сие содействие со стороны вашей крайне необходимо нужно, дабы отовсюду стеснять злодейскую толпу и чтобы наискорее освободить Оренбург и весь этот край очистить».

Генерал Декалонг, прибыв в Шадринск, отовсюду получал известия о распространении мятежа и просьбы о помощи. Опасаясь за свои тылы, он отказался от намерения идти к Екатеринбург и, находясь в Шадринске, предпринял несколько вылазок по окрестностям в уезде, в ходе которых 9 марта 1774 года его отряд из 900 человек с артиллерией нанес поражение отряду восставших численностью в 7000 человек при Уксянской слободе, при этом захватил 28 пушек. Как он писал сибирскому генералу Скалону, *«теперь при сем благополучии здешния окрестные места остаются как будто в безопасности»*.

Но оставление им Исетской провинции привело к усложнению обстановки в горнозаводских местностях Урала и приближенной к ним части Оренбургской укрепленной линии, с недостаточными для обороны местными гарнизонами.

21 марта 1774 года Бибииков писал Декалонгу: *«К крайнему сожалению, получа об удалении вашем известие, принужден я вашему превосходительству по долгу службы сказать, что не представляю я из сего ничего полезного и с твердостью заключаю, что отбытием вашим из Челябинска, не истребя во время бытности вашей вокруг ея злодеев, и поворотом от Екатеринбурга, не только дерзость и силы злодейския во всем тамошнем крае умножились, но и возомыять они имеют поверность над войсками нашими. Следовательно еще гораздо худших следствий ожидать от них надобно будет»*.

При этом Бибииков просил Декалонга или поспешить к Екатеринбург, или двинуться в Башкирию. Только в первых числах апреля генерал Декалонг выступил из Шадринска в Челябинск. Под Оренбургом к этому времени ситуация резко изменилась, так как войско Пугачева было разбито, а сам он бежал в сторону Башкирии.

Весть об этом достигла Декалонга только через месяц, 4 мая 1774 года, но полученни им отношения от оренбургского губернатора генерала Рейнсдорпа, отправленного 9 апреля 1774 года.

Командант Троицкой крепости де Фейервар сообщал в это время генералу Декалонгу о слабом состоянии линейных крепостей, отмечая, что *«ибо не только из крепостей выходя злодеев истреблять, их стремления останавливать, но и самих крепостей с в них живущими защищать нечем»*.

Команданты крепостей Верхнеяицкой, Карагайской, Магнитной доносили об усиленном нападении башкир. *«От нападения мятежников линейныя крепости моей дистанции отдыху не имеют»*, – писал де Фейервар. 26 апреля 1774 года полковник Ступишин доносил Декалонгу, что им было получено донесение команданта крепости Магнитной Тихановского о том, что по показанию башкир Пугачев находится на Белорецком заводе.

Полковник Ступишин вынужден был для усиления своего гарнизона вывести и разместить в Верхнеяицкой крепости фактически всю команду крепости Карагайской. После разгрома под Каргалой копницей князя Голицына Пугачев, как он сам показал на допросе, бежал *«со ста человеками яицких казаков, да башкирцев ста три в Башкирию на Иргизлинский завод»*. Там был сутки, взял *«несколько человек, пошел на Авзяно-Петровский завод. Тут был сутки же. Забрав человек двести, пошел на Белорецкий завод. Тут жил я три недели. И взяв людей, не помню сколько, пошел на Магнитную крепость»*⁹¹.

5 мая 1774 года, рано утром, на восток, в виду крепости Магнитной, появилось многотысячное войско Пугачева. Тревожная дробь барабана направила солдат гарнизона к бойницам в стенах заплота, в пушки досылались картузы с картечью и ядрами. Вонство пугачевцев, в основном конное, плотной кольчащейся массой придвинулось к самому склону, остановилось, и от него рясью посыпались к крепости всадники с белой тряпичной у накопечника копы.

Подскакав к крепости, он крутнул копыем, и тряпича, а это был мешочек из холстины с заложным в него для веса камнем, полетела на крепостной заплот. В мешочке находился указ Пугачева, которым он предлагал коменданту сдать крепость, обещая, что никого не обидит, а, напротив, пожалует своей милостью всех, кто ему преклонится. Тихановский велел казаку, дожидавшемуся ответа, передать тому, кто его послал, что никакого государя Петра Федоровича нет, ибо он представился и погребен в Петербурге, а есть императрица Екатерина Алексеевна.

Тот же, кто его послал, есть вор и самозванец Емелька Пугачев, беглый донской казак. Вполне возможно, что таким могло быть начало событий, разворачивавшихся у стен крепости Магнитной.

Передача пугачевского указа посредством перебрасывания его через стены крепости отмечены в хрониках событий Пугачевского бунта.

Пугачев на допросе в Яишке 16 сентября 1774 года говорил о том, что послал указ коменданту Магнитной: *«И взяв людей, не помню сколько, пошел под Магнитную крепость, в которую написал указ, чтоб комендант здався»*. Пугачевский указ коменданту крепости Магнитной не сохранился.

Участник защиты крепости Верхнеозерной поручик А. Е. Поспелов оставил воспоминания, в которых описание появления Пугачева под крепостью дает отчасти представление о том, как это могло происходить и под Магнитной.

Поспелов писал: *«На рассвете наступающего дня, т. е. 26 ноября, Пугачев показался на горе, по направлению с Оренбургской стороны, в расстоянии от крепости верстах в двух, и для устрашения гарнизона расположился с своими главными силами на этой горе, на значительных интервалах, а сзади горы поставил башкирцев и другой сброд, почти ничем не вооруженный, которому приказал кричать (т. е. кричать с визгом), думая этим гамом многочисленной толпы нанести панический страх на осажденных»*⁹².

И если гора от крепости Верхнеозерной располагалась верстах в двух, то взгорье, подступавшее к Магнитной, было на расстоянии менее версты. Пугачев, разъяренный отказом сдать крепость, послал вперед тысячи конных башкир с казаками, за которыми побежала вниз по склону многосотенная толпа крестьян вооруженных пиками (штыки привязанные к палкам. – Авт.), дубинами, топорами, вилами, саблями и шестоперами, редко у кого – ружьями и пистолетами.

Башкиры составляли при штурме Магнитной основную силу Пугачева, которому, по замечанию П. И. Рычкова, первого историка Оренбуржья, стал верным помощником один из старейшин Кубеляжской волости Байм Тархан.

Только у него в конном его заводе исчислялось лошадей от 5 до 6 тысяч. Конные башкиры были вооружены луками, саблями и копьями. Лавой, обтекая крепость, они были встречены пушечным и ружейным огнем и не могли прорваться к крепостным стенам, подступы к которым преграждали рогатки. Пеших, пытавшихся с ходу прорваться к заплатам, выкашивала пушечная картечь и ружейные выстрелы. До позднего вечера Пугачев бросал свое воинство на приступ, был не раз и сам среди наступающих, иначе, после ряда неудачных попыток и сильных потерь, ничто не заставило бы эти тысячи людей вновь и вновь бросаться вперед под ядра, пули и картечь, летящие от стен крепости.

В одной из атак Пугачева в правую руку ударила пушечная картечь.

Он усидел в седле и в горячке боя не почувствовал той боли, которая вскоре стала его терзать, и он 21 мая, после взятия Троицка, лежал в палатке, когда его отряды пытались сражаться с подошедшими войсками генерала Декалонга, о чем упоминал П. И. Рычков в своей хронике об осаде Оренбурга.

А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» писал: «Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к крепости Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев там был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена».

В помесячных выписках из архивных дел у Пушкина имеется запись о том, что «Пугачев под Магнитную подступил с 6000. Жители изменили; зажгли артилл. ящики».

Исследователи Пугачевского бунта эту цифру не оспаривают и полагают, что число наличных сил у Пугачева на момент его выступления к Магнитной превышало 5 тысяч человек.

При взятии отдельных крепостей Пугачев использовал при продвижении к стенам как защиту своей пехоты от поражения артиллерийским и ружейным огнем передвижные укрытия, в качестве которых использовал обыкновенные телеги, нагруженные сеном или соломой. Применяя эту тактику, он штурмом взял крепость Татишеву, когда под прикрытием возов с сеном атакующие приблизились к деревянным заплатам и подожгли возы. Огонь перекинулся на стены, и оборона крепости была прорвана.

На допросах Пугачев говорил о штурме г. Осы, где он «...приказал навить сена 50 возов», и о штурме Казани, где использовал 40 возов сена «и сделал приступ». Очевидно, ни сена, ни соломы поблизости от крепости Магнитной не оказалось, иначе он не преминул бы применить эту тактику и здесь.

В «Оренбургской Пушкинской энциклопедии», в статье о крепости Магнитной, отмечается, что, штурмуя крепость, войско Пугачева потеряло убитыми до 500 человек. Пугачев на первом допросе в Яицке, 16 сентября 1774 года, говорил: «А как коннице взять было невозможно, ибо там были пушки... и так я велел отступить. А отойдя от оной, расположился в стан и отдыхал одни сутки. Потом распределял толпу свою на пять частей, со всех сторон Магнитную атаковал, взял» (выделено мной. — Авт.).

Мы не знаем о количестве потерь гарнизона и жителей крепости Магнитной. Поручик Поселов, защитник крепости Верхнеяицкой, упоминает об участии крепости Магнитной, писал: «Команданта и прочих начальников повесил, беззащитных жителей велел переколоть, а крепость всю авосжег».

8 мая 1774 года полковник Ступинин отправил генералу Декалонгу рапорт, в котором сообщал, что 7 мая получил от коменданта крепости Магнитной рапорт о том, что Пугачев со своим воинством в числе 6000 человек осадил крепость.

По получении этого известия он «с собратием здесь и вкляком из Карагайской крепости, при господине коменданте Фоме, с малолетним командою сам в секурс (помощь, поддержка. — Авт.) отправился, по отходе от Верхнеяицкой крепости расстоянием 25 верст, узнав от прибежавшего из Магнитной крепости денщика капитана Тихановского, что крепость та злодеем взята, где он, злодей, воспользовался порохом, спичком, орудиями и прочитатом, правящего же должность коменданта капитана Тихановского и много жителей истребил»⁵⁰ (выделено мной. — Авт.).

Дмитриев-Мамонтов писал: «При выяснении обстоятельств падения Магнитной крепости должно было, что Пугачев с толпою в 6000 человек 5 мая обложил крепость».

Капитан Тихановский со своим незначительным гарнизоном, в составе не более 100 человек с 10 орудиями, при дружном содействии жителей до вечера отбивал все атаки мятежников. Пугачев при всех усилиях, не имея артиллерии, не мог овладеть крепостью и сам был легко ранен в руку.

По наступлении ночи мятежники, подойдя скрыто к деревянным крепостным стенам, успели их разрушить и в 3 часа утра 6 мая овладели крепостью. Капитан Тихановский с женою, священник и жена поручика Можетинова были повешены».

Немного далее он дополняет: «По произведенному впоследствии расследованию о движении мятежников обнаружено было, что Пугачев в Магнитной крепости оставался два дня, усиливаясь там прибытием атамана Белобородова с толпою башкир и заводских крестьян в 200 человек, а также ящиками казаками в количестве 300 человек под начальством атамана Овчинникова и сотника Перфильева».

Захватив с собою все орудия из Магнитной крепости, 8 мая выступил по направлению к Верхнеяицкой...».

А. С. Пушкин, указывая на измену жителей крепости и поджог пороховых ящиков, очевидно воспользовался рапортом, направленным в мае 1774 года полковником А. И. Библиковым генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову: «Сейчас получил я через ординарный стафет (обычной, не секретной почтой. — Авт.) от Господина Генерал-Поручика и Кавалера Ивана Александровича де Колонга из Карагайской крепости от 11 сего месяца уведомление, что вор-самозванец столпясь в шести тысячах по многом сопротивлению осадил Магнитную крепость лежащую от Верхнеяицкой в сорока осми верстах, которая по постороннему Его высокопревосходительству известию претерпела сие несчастье от измены тутошних жителей, нашедшихся такими плутами, что зажгли со снарядами артиллерийские ящики...»⁵¹.

Магнитогорский историк А. Г. Дегтярев в своей книге «Легенды и были горы Магнитной» при описании штурма крепости Магнитной отметил, что «как пишет Д. Л. Мордовцев (историк XIX века. – Авт.), во время штурма крепости ночью капитан С. Тихоновский воспользовался суматохой и бежал из крепости. Где он скрывался – неизвестно. На следующий день после взятия крепости Тихоновский явился к Пугачеву с повинной, но раскаяние его было уже запоздалым и Пугачев велел повесить Тихоновского. Где почерпнул эти сведения, Мордовцев не указывает, но у других исследователей крестьянской войны их нет».

Здесь интересно то, что Д. Л. Мордовцев писал об этом в «Отечественных записках» в 1866 году и в то время еще не мог иметь возможность ознакомления со следственным делом Пугачева и, значит, эти сведения он мог получить только изустно, возможно от кого-то из современников пугачевщины.

А. С. Пушкин не мог знать о подобном факте по той же причине, так как не получил разрешение на ознакомление с засекреченными протоколами допроса Пугачева.

Пугачев же на допросе в Яицке сказал, что «на другой день комендант той крепости, который бежал от меня и опять сам явился. Онго я велел повесить, для чего не одался». Таким образом, факт отсутствия капитана Тихоновского имел место, но из сказанного Пугачевым никак не усматривается, что капитан Тихоновский явился с повинной.

Нет оснований и полагать, что комендант крепости отважно и героически оборонявший со своим гарнизоном крепость, мог трусливо бежать, оставив на поругание свое семейство, зная какая их ждет участь.

Участь гарнизонов, которые не сдавались, была страшной. В крепости Ильинской перебиты были солдаты двух рот и 92 исетских казака, а всего 462 человека.

Генерал Декалонг, сообщая генералу Скалону о своем продвижении, преследуя Пугачева, отмечал: «...достиг я до первой от Карагайской Петропавловской крепости, нашел ее к лютому соболезнаванию в равном Карагайской судьбине и с немалым числом уже убитых трупов».

Взяв Троицкую крепость, пугачевцы убили всех офицеров, жену коменданта привязали к лошадиному хвосту и таскали по улицам, многих солдат и жителей, выстроив в шеренгу, колола копьями.

Пережившая штурм крепости Степной, чудом оставшаяся в живых, вдова коменданта Мария фон Витте рассказывала: «Со страшным криком и непрерывной пальбой из многих разнокалиберных пушек, единоголовых и ружей, и стреляя из луков, изрешечены уже были не только заборы, ограждавшие крепость нашу, но и все почти в крепости покон... Вся крепость покрыта была столь густым дымом, что совсем затмило горизонт и ближние предметы едва были видны».

Защитники Стенной отбили три атаки, но к вечеру крепость пала. Погибли десятки солдат, комендант крепости и офицеры. О трагической судьбе коменданта крепости Магнитной, капитана Тихоновского, мы уже знаем, но такая же участь постигла и его 20-летнюю жену, находившуюся в крепости с трехлетним сыном и годовалой дочкой, поручика Можевитинова и его жену, у которых был четырехлетний сын, гарнизонного священнослужителя, и как уже было сказано, многих жителей и защитников крепости.

В архивных делах Исетской (Исетской. – Авт.) провинциальной канцелярии сохранился уникальный документ, который дал нам возможность выяснить судьбу жены капитана Тихоновского, «Дело о казни дворовой бабы капитана Тихоновского Авдотьи Яковлевой, обвиняемой в убийстве своей госпожи В. Тихоновской»⁵¹.

Отметим здесь, что в духовной росписи крепости Магнитной, составленной в апреле 1773 года, Авдотья Яковлева в числе жителей крепости Магнитной не значится. Очевидно, в семье капитана она появилась несколько позднее для помощи по ведению хозяйства и уходу за малолетними детьми. В деле содержится промемория (выписка. – Авт.) от полковника и Верхояицкой дистанции коменданта Ступишина в Исетскую провинциальную канцелярию «В каком злодействе оказалась оставшаяся после повешенного в Магнитной крепости треклятым злодеем Пугачевым Верхояицкого батальона капитана Тихоновского баба Авдотья Яковлева».

Промемория включает допрос Яковлевой, učinенный Ступишиным, выписку из ордера губернатора Рейнсдорпа на представление Ступишина о Яковлевой, выписку о слушании дела о преступлении Яковлевой, приговор Исетской канцелярии и сообщение о казни ее. Полковник Ступишин сообщал «1774 году, ноября 19 дня бывшего в Магнитной крепости за коменданта повешенного злодеем Пугачевым Верхояицкого батальона капитана Тихоновского дворовая баба Авдотья Яковлева допрашивана и показала, когда государственный злодей, названный священнейшим именем, казак Пугачев, по прибытии к Магнитной крепости, ону с его сообщниками взял и того капитана Тихоновского, ее, Яковлевой, господина повесил, а госпожу ее, капитаншу Вера Федорова, с прочими той Магнитной крепости жителями выгнаты были за крепость и содержались в злодейских шалашах под присмотром, то она, Яковлева, той своей госпоже говорила, что не она теперь госпожа, а она, Яковлева, и полно де тебе дочь мою, ущемя в колени, розгами сечь».

И как в том шалаше было по множеству людей тесно, то она, Яковлева, ей, Вере Федоровой, сказала, что де теперь не кровать и не постелью для тебя в том шалаше принести. А потом, желая от своей госпожи освободиться, будучи в крепости для печения хлебов, из бывшей в той злодейской толпе казаков, одного, а как зовут и чей прозывается не знает, за означенною своею госпожею послала в показанной шалаш, которая по приводе в крепость злодеями на крепостных к низыльской крепости состоящих воротах повешена, более ж к сему злодейству никакого с нею в согласии не было и никакого другого злодейства она, Яковлева, не делала, в чем показала она сущую по закону христианскому правду и подписалась».

К сему показанию вместо дворовой покойного капитана Тихоновского бабы Авдотьи Яковлевой по прошению руку приложил Верхояицкого батальона сержант Степан Пригожданов».

Ордер губернатора Рейнсдорпа полковнику Ступишину предписывал «к поступлению с ней по законам», и Ступишин с сопроводительными документами отправил Авдотью Яковлеву в город Челябинск, в Исетскую провинциальную канцелярию «заклепанную в колотках».

Дело содержит и выписку о «преположении» аншефа и разных орденов ка-

«Мемориа Петра Ивановича Панина «от 25 августа дня прошлого 1774 года», которое «именным Ее Императорского Величества высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, подтверждено: 1-м пунктом велено во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на смертность своих введов всяких, поставленных от ее величества начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верноподданных, из тех как самих убийц, так из предателей заводчиков, изготоя наперед по христианскому закону, казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела кидать на колесы у проезжих дорог».

Промемория Исетской провинциальной канцелярии, направленная Верхолицкому коменданту Колыванову (по указу Ее Императорского Величества приеланной от господина полковника Ступишина), указывала, что Авдотья Яковлева была по принятому Правительствующим Сенатом закону приговорена к смертной казни, и после приготовления ее через священника было определено — «учинить при собрании города Челябинска жителей и прочего пребывающего народа на аделанном для того ашафоте кару, и мянно отрубить сперва руки и ноги, потом голову, и оную, так же и тело, положить на колесо, о чем тем жителям должным порядком и повестить, а по учинении сего для ведома об оном и реченному господину полковнику Ступишину дать знать промеморию».

Авдотья Яковлева была казнена 28 января 1775 года. Ее настигло жестокое возмездие. Судить о том, насколько жестока была Вера Тихоновская по отношению к дочери Авдотьи Яковлевой, не представляется возможным.

— Сестра она розгами, но за что, и было это наказанием за какие-то проступки или же проявлением беспричинного жестокосердия? Мечь хозяйке, осуществленная Авдотьей Яковлевой с помощью пугачевцев, имела и иной аспект, который определенно связан с обычной, житейской злобной завистью, но зависть Авдотьи была лютой, она ее и стубила. «Не ты, а я теперь госпожа» (выделено мной. — Авт.);

И первое, что сделала эта женщина в новом, так сказать, социальном статусе — приговорила другого человека к страшной смерти, оставив двух малолетних детей круглыми сиротами. И ее ребенок лишился матери.

— Судьба крепости Магнитной после штурма отмечена, в частности, А. С. Пушкиным в черновых записях при работе над рукописью «Истории Пугачева», которые озаглавлены, как «Резстр созданным крепостям».

О крепости Магнитной отмечено — «разор, но цела». Эта запись претерпела существенные коррективы при дальнейшей работе и в созданном Пушкиным историческом труде о крепости Магнитной сообщается, что «крепость разграблена и выжжена».

Пушкин, изучая и перепроверя различные свидетельства о происходивших тогда событиях, уточнил и поправил первоначально полученные сведения и указал, какой была истинная судьба крепости после пугачевского штурма:

18 мая 1774 года к крепости Магнитной подошли отряды генерала Станиславского и Оренбургских войск с коллежским советником Тимашевым. Крепость Магнитную они нашли «совершенно разоренною» (выделено мной. — Авт.); Здесь находились оставленные Пугачевым 112 крестьян Белорецкого завода

и при них до 600 человек жен и детей разных заводских крестьян, прикипнувших к мятежнику. На этих крестьян, как отмечает Дмитриев-Мамопов, а также на уплевших обывателей и раненных солдат, здесь оставленных, возложено было заготовление разного провианта, в особенности сухарей, для пугачевского воинства.

То, что крепость подверглась основательному разрушению, отмечено в штируемых в контексте нашего повествования рапортах и донесениях участников тех событий и заключении комиссии, осматривавшей крепости на линии после Пугачевского бунта. После осмотра крепости Магнитной было принято решение не восстанавливать ее на прежнем месте, а перенести в район реки Кызыла.

Комиссия, осматривавшая крепость в 1776 году, в своем заключении отметила, что «гора ея во всем командовала, что и оборонить против злодея Пугачева почти способа не находили...». Отчасти, это действительно было так, потому что крепость после перестройки подошла к самой оконечности длинного пологого склона, которым устремлялось к Уралу тянувшееся вдоль него береговое взгорье.

На этом взгорье ныне стоят дома поселка, именуемого Старая Магнитка, а чуть ниже его раскинулась обширная гладь заводского волохранилища, укравшего в свое время то место, где и стояла крепость Магнитная.

Очевидно, комиссия исходила из того, что расположение крепости в низине и близко к взгорью во многом ослабило ее обороноспособность, так как с него были видны все перемещения защитников крепости, внутреннее устройство и размещение страсней.

Но не это явилось причиной падения крепости при обороне от пугачевских отрядов. Крепость Магнитная, как и многие другие на Оренбургской укрепленной линии, не была предназначена для полномасштабной обороны против крупных сил противника.

К тому же обнесенная деревянным заплотом крепость Магнитная имела периметр протяженностью около тысячи метров (выделено мной. — Авт.).

Для обороны такого периметра силы гарнизонной команды из 100 человек явно было недостаточно, и хотя гарнизон смог, с поддержкой артиллерии, успешно отбивать попытки штурмовавших крепость вплоть до позднего вечера, но был уже обречен. И не будь даже ночного штурма и возможного предательства, израсходовав боеприпасы, малый гарнизон без помощи извне был бы неминуемо сломлен более чем пятитысячным воинством пугачевцев.

И все же, примером тому, что простые «фортеции» Оренбургской линии были крепостями, а не деревнями, «окруженные плетнем или забором», и вполне могли вести масштабную оборону, хотя для этого и не рассчитанную, является оборона крепости Верхнеозерной, которую пытался взять штурмом отряд Хлопуши, а затем и сам Пугачев с силами намного меньшими, чем при штурме Магнитной.

Крепость смогла отбить все попытки штурмовавших, при всем том, что у пугачевцев имелись и пушки. Большую роль при обороне этой крепости сыграло то, что она, по форме четырехугольная, на местности имела более выгодное в фортификационном отношении положение. С двух сторон ее окружали крутые овраги, а с третьей — озеро.

Крепость имела небольшой земляной вал и ров, 4 бастиона и 2 реданта. Гарнизон, состоявший к тому времени из 80 человек солдат, 100 калмык, 60 башкир, 30 бердских казаков, был усилен подошедшей командой из крепости Звериноголовской в составе двух рот майора Шкапского, насчитывавших, по разным источникам, от 122 до 200 человек рядовых и при 2 пушках.

Источники указывают, что в крепости ко времени штурма было 19 пушек. Свѣтими силами крепость смогла устоять, нанося урон атакующим, и Пугачев в бессильной ярости был вынужден увести от нее свои отряды.

Завершая эту часть повествования о крепости Магнитной, отметим факт разночтения фамилии капитана Тихоновского в росписи и в следственном деле Авдотьи Яковлевой. В документах, составленных полковником Ступишиным, непосредственного командира Тихоновского, фамилия капитана пишется через «О».

При просмотре фамилий служилого дворянства за период с 1764 по 1795 год, отмеченных в «Адрес-календаре российском...» и бывших в службе за 1772–1774 годы, упоминается Егор Кузьмич Тихоновский. Совпадение фамилии и отчества позволяет полагать, что возможно у капитана Сергея Тихоновского был брат Егор.

Интересная информация выявилась при знакомстве с описанием собрания живописи в Самарском художественном музее.

В разделе «Художники на Волге» говорится и об известном русском художнике С. Иванове. «Часто бывал в селах Ширяево и Моркваши, где жила его бабушка, слушал истории про пугачевщину. История прапрадеда художника, коменданта крепости Магнитной, оказалась похожа на историю коменданта крепости, захваченной Е. Пугачевым, из пушкинской повести «Капитанская дочка». Выявилась тонкая нить для поисков сведений о судьбе детей погибшего коменданта крепости Магнитной капитана Тихоновского, которых нашли и воспитывали родители капитана или его жены.

ЗАГАДКИ НОЧНОГО ШТУРМА

Существует некоторая неувязка по времени между тем, которое указывает Пугачев, когда говорит, что дал своему войску сутки на отдых, то есть 5 мая 1774 года, и временем падения крепости. У А. С. Пушкина нет в приведенном выше тексте даты взятия крепости Пугачевым. Он отметил только то, что это произошло ночью. Очевидно вслед за этим и другие исследователи упустили из виду показания самого Пугачева и связали фактически воедино первый неудачный штурм с последующей ночной атакой, которая состоялась, как принято считать, в ночь на 6 мая. В той же «Оренбургской Пушкинской энциклопедии» говорится «...дал им несколько часов на отдых, а в ночь на 6 мая повел на второй приступ». Бой продолжался с раннего утра, потери у Пугачева были немалые, что не могло сказаться и на моральном духе его воинства.

Пугачев должен был обдумать, как действовать дальше, войску нужен был

полноценный отдых, потому что в бой оно пошло с марша, к тому же и ему, раненному, нужен был отдых. И если Пугачев простоял у крепости сутки, то только в ночь на 7 мая и мог начаться штурм, а не через 5 часов после более чем двенадцатичасового боя.

Дмитриев-Мамонов не отметил измену в крепости, взрыв пороховых ящиков и отмечает, что Пугачев забрал все орудия, то есть 10, указанных в ранее приведенном им рапорте Ступишина. Все это дает основания полагать, что он был менее информирован о произошедших событиях в крепости, чем А. С. Пушкин, что позволяет сомневаться и в точности указываемой им даты времени штурма.

Как сообщал полковник Ступишин, рапорт от Тихоновского о том, что Пугачев осадил крепость, он получил 7 мая. Это сообщение Тихоновским вряд ли писалось 5 мая, шел бой, крепость была окружена пугачевцами.

Курьер мог выбраться из крепости не ранее ночи на 6 мая, когда Пугачев уже отвел свое войско на отдых. Курьер прибыл в Верхнеяицкую крепость 7 мая.

В тот же день, 7 мая, Ступишин выступил на выручку осажденным. По дороге его отряду встретился денщик Тихоновского, который сообщил о взятии крепости. Ступишин указал, что это произошло на 25 версте от крепости Верхнеяицкой.

На расстоянии 18 верст от нее находился редут Спасский, от которого до редута Верхнекизилевского насчитывалось 19 верст. Таким образом, отряд Ступишина встретил денщика капитана Тихоновского на полпути между этими редутами.

От редута Верхнекизилевского до крепости Магнитной было 20 верст и значит денщик преодолел до встречи с отрядом Ступишина около 28 верст.

Если считать, что крепость была взята в ночь на 6 мая, тогда «прибежавший», по выражению Ступишина, денщик был в пути почти сутки. В то время как ему надо было преодолеть менее 30 километров.

Исходя из этого, с учетом вышесказанного о длительности отдыха войска Пугачева, определенно им в сутки, можно предполагать, что крепость Магнитная штурмовалась Пугачевым не в ночь на 6 мая, а в ночь на 7 мая.

И как отмечается, штурм начался в 3 часа ночи. У денщика было достаточно времени на преодоление 30-километрового пути, даже если он наблюдал из укрытия все то, что творилось в крепости и казнь капитана Тихоновского. Команда Ступишина выступила в поход явно не с утра. Команде надо было собраться и затем преодолеть походным маршем 25 верст до того места, где им встретился денщик Тихоновского. Как отмечают военные специалисты, средняя скорость движения пехоты на марше 4 км/час при форсированном марше может составлять 5 км/час. Будем считать, что команда Ступишина двигалась форсированным маршем, но и тогда на переход до встречи с денщиком необходимо было время не менее шести часов, считая вместе со временем, необходимым для коротких привалов.

У капитана Тихоновского было двое денщиков – Мосей Мосеев, 26 лет, и Ермила Дмитриев, 25 лет. Кто из них принес весть о падении крепости, пока не установлено, но молодой солдат, сочетая бег с ходьбой, вполне мог за 5 часов преодолеть 32 версты, отдалявшие крепость Магнитную от места, где он встретил команду Ступишина.

Исследователи Пугачевского бунта отмечают, что Пугачев находился в крепости Магнитной два дня и выступил из нее 8 мая вечером.

Илия поправка о дне, в который состоялся штурм крепости, вполне согласуется и с этой датой. Захватив крепость в ночь на 7 мая, Пугачев находился в ней весь полный день, как 7, так и 8 мая. Если же считать, что штурм состоялся в ночь на 6 мая, то выходит, что Пугачев с войском находился в крепости три полных дня.

Пугачев, рассказывая на допросах об обстоятельствах штурма крепости Магнитной, вряд ли мог запомнить ключевые моменты, о которых и поведал. Это была первая взятая с боя крепость после выхода его с горнозаводской части Башкирии. Здесь он был ранен и потерял немало людей из своего нового войска. И потому есть веские основания полагать, что как и указывал Пугачев, войско его пошло на ночной штурм после суточного отдыха.

В завершение рассмотрения вопроса о вызывающей сомнения дате захвата крепости Магнитной пугачевцами познакомимся с еще одним документом далекой истории. По всей вероятности, именно этот документ и стал для авторов «Оренбургской Пушкинской энциклопедии» источником информации о числе потерь во время штурма крепости, а также времени и дате штурма.

Одна из статей энциклопедии посвящена Соколовскому Петру – отставному гарнизонному капралу. В ней о нем сказано: «В 1773–1774 гг. жил в Магнитной крепости. Был очевидцем штурма и взятия ее войском Е. И. Пугачева. Бежав оттуда, Соколовский явился в Кизильскую крепость, где при допросе в походной канцелярии поведал о том, как пугачевцы, подступив в ночь на 6 мая к Магнитной, «незвизрая на сильную пушечную и оружейную пальбу» из атакуемой крепости, пошли на штурм и, «усилиясь», разломали крепостные стены («заплоты»). «Пополночи в 3-м часу», сломив сопротивление гарнизона, они ворвались в саму крепость, «где артиллериею, так и всем имуществом завладели».

Текст документа, на который ссылается автор этой статьи, невелик и приведем его полностью. Это выписка из «Экстракта, сочиненного из дела о самозванце войска Донского, беглом казаке и раскольнике Пугачеве...», хранящегося в Государственном военно-историческом архиве.

«Между тем от 16 мая господин генерал-майор Станиславский из Кизильской крепости прислал произведенной в канцелярии его отставному капралу Соколовскому допрос, из коего явствует: 5-го числа того злодей и самозванец Пугачев приблизился с его толпою, состоящею из разной сволочи тысячах в пяти из Уралу через гору под Магнитную крепость и, окружа оную со всех сторон, начал приступать; но бывшие иде в той крепости за каменданта капитан Тихановский хорошими и неустрашимыми его распоряжениями сперва их, злодеев, пушечными и оружейными выстрелами отражал, причем их, злодеев, и побито человек с 500. Однакожде они, злодеи, незвизрая на сильную пушечную и оружейную пальбу, пошли на крепость и усилиясь, разобрав заплоты пополночи в 3-м часу в нее вошли, иде артиллериею, так и всем имуществом завладели, а по полученному уже после от коллежского советника Тимашева известию открылось, что они, злодей, будучи в той крепости, помянутого капитана Тихановского с женою его и священника дитя поручика Можайтинова жену повесил»⁵².

Авторы энциклопедической статьи явно поспешили с выводом о том, что крепость была взята в ночь на 6 мая, так как эта дата в контексте документа не указана и конкретно не оговаривается.

В духовной росписи, составленной в апреле 1773 года, отставной капрал Соколовский в числе жителей крепости Магнитной не значится. Возможно, он поселился в крепости позднее, но этот факт требует документального подтверждения.

Нуждается в своем разрешении загадка, связанная с отсутствием капитана Тихановского в крепости, после захвата ее пугачевцами.

Неизвестны нам и обстоятельства поджога артиллерийских ящиков.

Взрыв пороховых зарядов, судя по всему, совпал со временем, когда пугачевские отряды с пяти сторон скрытно подобрались к стенам крепости.

Одновременность этих действий наводит на мысль их согласованности.

Вполне возможно, что используя слабую защищенность протяженного и сложного периметра стен крепости, в нее могли проникнуть лазутчики, сумевшие поджечь ящики с пороховыми зарядами. Но возможно это произошло в ходе короткого, ожесточенного и суматошного ночного боя.

Есть и еще одно свидетельство, имеющее отношение к крепости Магнитной. Захват ее Пугачевым. Принадлежит оно пугачевскому сотнику (в дальнейшем – полковнику. – *Авт.*) Верхоланцеву, который в своих воспоминаниях, рассказывая о своем прибытии с отрядом из Сатки в захваченную Пугачевым крепость Магнитную, упомянул о том, что Пугачев не мог ездить верхом и развезжал в коляске, так как был ранен в правую руку какой-то женщиной, выстрелившей в него из окна дома, когда Пугачев ехал по улице в захваченной крепости.

Женщину пугачевцы изрубили саблями⁵³. Факт этот в известных нам источниках более нигде не упоминается и насколько он соответствует действительным событиям, судить пока сложно. Сам Пугачев о своем ранении на том же допросе в Яицке говорил, что был ранен в бою под Магнитной пушечной картечью.

Как уже было сказано, требует своего разрешения и вопрос о наличии артиллерийских орудий в войске Пугачева при штурме крепости Магнитной.

А. С. Пушкин и А. И. Дмитриев-Мамонов отмечали, что войско Пугачева штурмовало крепость, не имея ни одной пушки.

Современные авторы – исследователь произведений Пушкина «пугачевско-го-цикла» Р. В. Овчинников и ученый-архивист А. С. Светенко в совместно подготовленном сборнике документов и материалов «Емельян Пугачев на следствии»⁵⁴, указывают, что «В апреле 1774 г. пополнение войска Пугачева шло по пути его следования на северо-восток через Вознесенский, Авзяно-Петровский и Белорецкий заводы. Идея у себя до двух тысяч конницы и пехоты с несколькими пушками, Пугачев 6 мая штурмом взял Магнитную крепость». К сожалению, авторы не указывают на источник этих сведений и потому не удалось пока выяснить их документальную основу.

Для воссоздания истинной картины происходивших тогда событий необходимо найти ответы на загадки и вопросы, связанные со штурмом крепости Магнитной, судьбами ее защитников. Эти загадки и вопросы еще ждут своих исследователей.

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Потребовалось время, чтобы восстановить экономику края, претерпевшему огромное разорение в ходе Пугачевского бунта. Были немалые людские потери, сожжены многие десятки селений, сильно пострадала горнозаводская промышленность Южного Урала.

Пугачевский бунт, развернувшийся на территории Оренбургского края, показал недостаточную надежность и эффективность системы местного управления, сложившейся в империи. Поэтому сразу же после подавления бунта в стране началось проведение губернской реформы.

Не рассматривая сколь-нибудь подробно ее положения, отметим лишь то, что согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи», утвержденной Екатериной II 7 ноября 1775 года, Россия делилась на губернии (или наместничества) с числом душ от 300 до 400 тысяч душ, которые, в свою очередь, разделялись на области (или провинции), имевшие в своем составе уезды (или округа) с числом жителей от 20 до 30 тысяч человек в каждом.

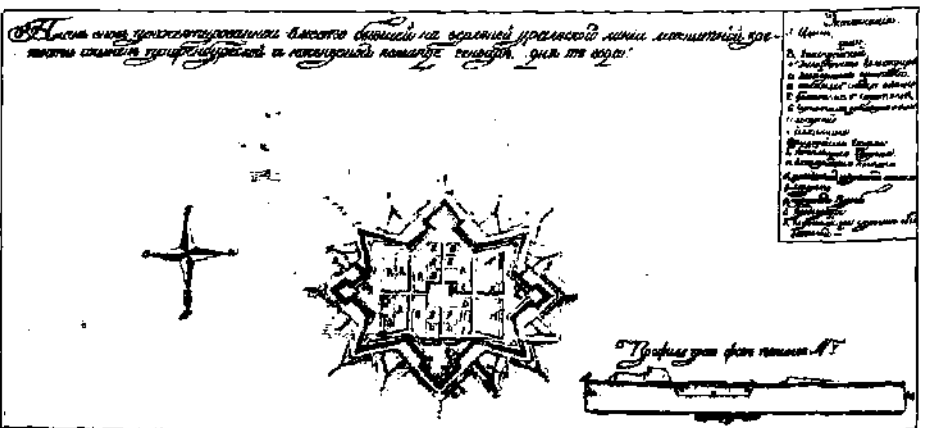
В целях усиления надзора за средним звеном государственного управления было решено учредить наместничества, состоявшие из нескольких губерний или областей и подчинявшихся наместникам (генерал-губернаторам).

Оренбургская губерния потеряла свой губернский статус и вошла как область в состав Уфимского наместничества. Столицей наместничества стал г. Уфа.

Оренбургская область делилась на четыре уезда: Оренбургский, Бузулукский, Верхнеуральский и Сергиевский. В 1784 году в составе области появился Троицкий уезд.

В дальнейшем, в ходе ряда административных реформ на территории Южного Урала, сложилась Оренбургская губерния, территориальные границы которой уменьшились почти наполовину. Особенностью губернии было то, что она фактически разделялась на две части – казачью и гражданскую.

Руководитель губернской администрации одновременно выполнял обязанности Наказного атамана и гражданского губернатора.

План крепости Магнитной для размещения ее на реке Кизыл. 1776 г.

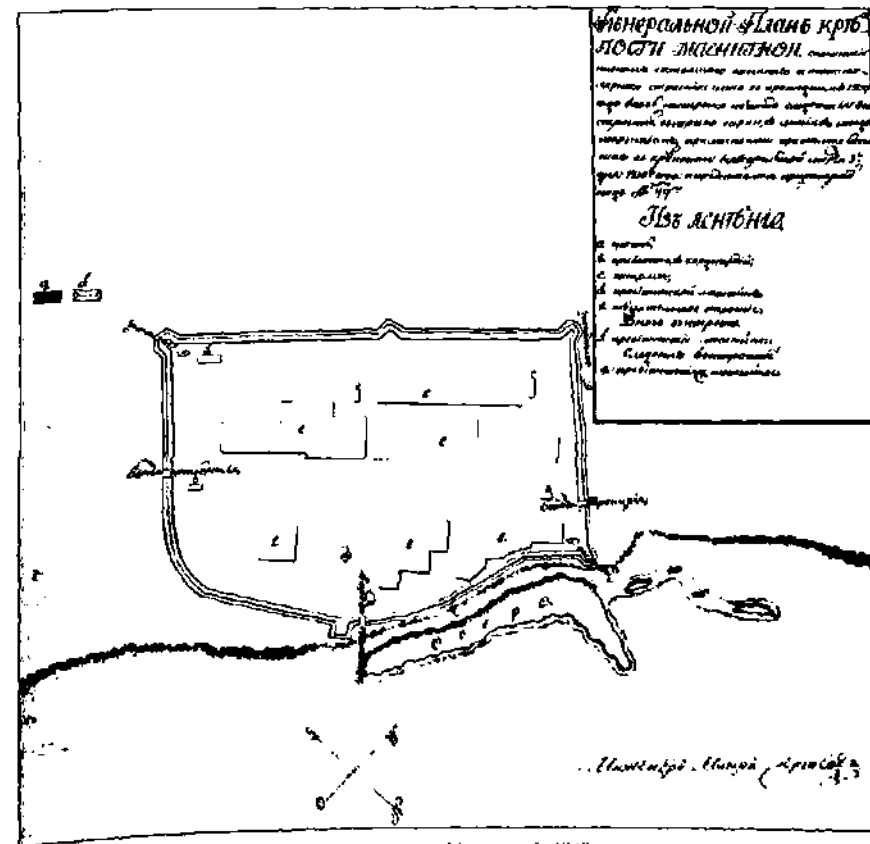
Крепость Магнитная стала входить в состав новообразованного Верхнеуральского уезда, оставаясь в нем и при проведении всех последующих административных реформ.

Спроектированный в оренбургской инженерной команде в 1776 году план крепости Магнитной с размещением ее на реке Кизыл так и остался на бумаге.

Проект укрепления был выполнен согласно всем требованиям теории и практики фортификации того времени, но абсолютно был не пригоден, так как не учитывал степень оборонительной силы, которая была реально необходима на Оренбургской линии. Мощное оборонительное сооружение предусматривалось соорудить с земляным валом более 3 метров высоты и шириной у подошвы до 12 метров.

Соответственно и ров имел такие же параметры, то есть глубину и ширину. Площадь, которую она должна была занять, была примерно 260 на 220 сажений, то есть 552 на 470 метров.

Для сооружения такой крепости требовались огромные финансовые и мате-

План крепости Магнитной. 1810 г.

Козак башкирских каннионов

риальные затраты. Поэтому решено было строить крепость на прежнем месте, существенно упростив первоначальный проект.

Сохранившиеся планы вновь отстроенной крепости Магнитной позволяют нам получить представление об этом укреплении на новом этапе его существования и даже увидеть намечающиеся контуры будущего поселения, в которое перерастет со временем военное укрепление.

Один из планов вновь восстановленной крепости выполнен в 1810 году с указанием в экспликации строений и сооружений имевшихся на 1809 год и тех, что планировались построить⁵⁵. Общая площадь, занимаемая крепостью, увеличилась по сравнению с разрушенной пугачевцами и составляла более 8 гектаров.

Крепость имела три малых бастиона, а на стороне, выходившей к взгорью, протяженность которой была около 365 метров, был устроен редант. Боковые стороны имели длину примерно 213 метров. Находившиеся здесь ворота носили название – Троицкие и Оренбургские.

Сторона, выходившая к реке Урал, была выгнута в сторону реки и, соответственно, была более протяженной, чем выходившая к взгорью. Здесь вместо бастиона был выступ прямоугольной формы для размещения артиллерийских орудий, которые прикрывали примыкавшие к батарее ворота под названием Уральские.

Как отмечено в экономических примечаниях «Каталога дачам Оренбургской губернии Верхнеуральского уезда»⁵⁶, вокруг крепости Магнитной были небольшой вал и ров.

Вне крепости располагался detachment, в котором вместо домов были наделаны землянки для размещения командированных. Для разъездов казаков-башкирцев и мещеряков. Detachment (detacheман) – слово, заимствованное из французского языка, обозначающее военный отряд. Обычно территория вне стен крепости, образующая так называемый detachment, ограждалась по периметру рогатками, надолбами или рвом.

По Указу от 10 апреля 1798 года башкиры, тептяри, черемисы и мишари как Оренбургской губернии, так и соседних были переведены в военное сословие, из которого формировалось нерегулярное войско по типу казачьего.

Главной задачей башкирского войска было содержание кордонов на Оренбургской линии.

Во все время нахождения на этой срочной службе башкиры содержали себя на своем коште, получая от казны на человека жалование только по 1 р. ассигнациями в месяц.

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье о башкирах говорится: «Вооружение башкир состояло из пары пистолетов, ружья, тики, сабли, лука (сайдак) и колчана со стрелами, которыми они мастерски стреляли на большом про-

странство в цель и притом с такой силой, что стрела на 15 сажень могла прошить не только человека, но и лошади. Французы, испытавшие на себе в войнах с Россией, особенно в 1812 г., губительное действие этих стрел, прозвали башкир северными амурами».

В редутах Янгельском и Верхнекизильском, на тот период, несли службу «конвойные по осмидесяти человек».

Крепость Магнитная только обживалась и площадь, занятая под строения, была небольшой, по сравнению с пустующими внутренними пространствами.

В 1809 году, как указано в экспликации, был выстроен провиантский магазин, расположенный за стенами крепости, и намечен для постройки рядом с ним еще один.

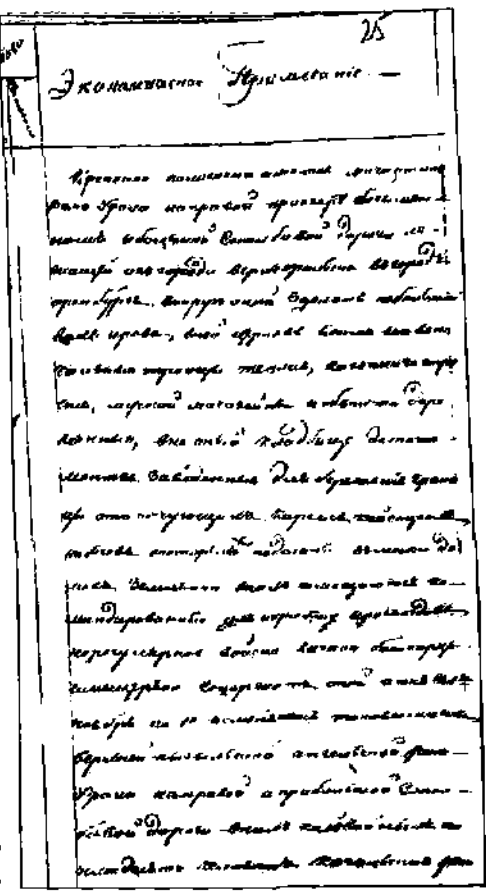
Из имеющихся строений указаны: церковь, две приворотные кордегардии, казармы, обывательские строения, провиантский магазин.

По ревизии (переписи. – Авт.) 1795 года в крепости Магнитной проживало несколько семей отставных военнослужащих. Указаны 10 дворов, в которых было 19 душ мужского пола и 14 – женского. В крепости Кизильской имелось 44 двора, 82 человека мужского пола и 91 – женского.

В 1802 году во владение отставных военнослужащих Магнитной и Кизильской крепостей были отмежованы земли: 15 тысяч десятин сенокосной, около 104 тысяч степных угодий и 41 десятина леса.

Поскольку в указанных экономических примечаниях имеются прочерки в графе о числе дворов и жителей в редутах Янгельском и Верхнекизильском, можно полагать, что в местах их расположения, на тот период, имелось только временное жилье для размещения командированных воинских команд, подобно располагавшемуся у стен крепости.

Из краткой характеристики местности, имеющейся в экономических примечаниях, можно узнать, что «В показанных реках, речках и озерах ловится рыба: в Урале налимы, щуки, лещи, жерихи, окуни, галавли, язи, подузы, сорогои, пестряки, плотва... Уловленную употребляют крепостные жители для себя и отчасти на

Фрагмент экономических примечаний. 1795 г.

Рядовой и офицер конных казачьих команд. 1790–1796 гг.

продажу. Грунт земли черноземистый, а местами пещаной с глиною и каменистый, в посеве хлеба не бывает, сennie покосы по берегу Урала и по низким местам хороши, в гористых же местах степь, лес малый дубяной, ивовый, таловый и калиновый.

В нем звери – волки и зайцы, птицы – тетерева и рябчики, в степи – журавли и беркуты. При водах – дикие гуси, утки и кулики. Жители оных крепостей в хлебопашестве не упражняются, а занимаются сенокосением и скотоводством, промыслов никаких не имеется, а женщины упражняются в домашних рукоделиях» (выделено мной. – Авт.).

В 1805 году гарнизоны крепостей пополнили исетские казаки, направленные для поселения на Оренбургской пограничной линии. Им выделялось по 15 десятин на каждо-

го для обеспечения себя продовольствием.

Как отмечал Ф. М. Стариков «...по изъявленному бывшими казаками Исетского казачьего войска желанию из станиц: Уйской, Кичигинской, Чебаркульской, Коельской, Челябинской, Миасской, Эткульской и Еманжелинской 1181 человек переселены на Оренбургскую линию и поселены в 18 различных местах, начиная с поселка Алабужского до Оренбурга».

Здесь следует отметить, что в 1798–1803 годах была проведена крупная реорганизация Оренбургского казачьего войска с целью придания ему более четкой организационной структуры и облегчения управления разбросанными по крепостям и дистанциям пограничной линии, по сути, отдельными казачьими общинами.

Система казачьего управления, принятая в 1798 году, была построена на кантональной основе. Оренбургская губерния была разделена на 24 инородческих и 7 казачьих кантонов (районов: 2 уральских и 5 оренбургских. – Авт.).

Общины казаков при крепостях стали именоваться станицами, а размещенные в редутах – отрядами. Увеличилась и численность личного состава гарнизонной команды за счет дополнительно развернутых на линии в 1804 году четырех батальонов, один из которых был размещен в крепости Магнитной.

По Высочайше утвержденным правилам об устройстве Оренбургской линии от 19 августа 1804 года предписывалось: «При первой будущей отставке нижних чинов из Оренбургской и других по близости к ней расположенных инспекций положить начальное батальонам сим основание из неспособных к полевой службе, в таком однако количестве, чтобы люди сии (кои м велеть непосредственно заняться устройством жилищ и прочего хозяйства) составили на первый раз по крайней мере три четверти вновь учреждаемых батальонов.

При будущем 1805 году рекрутском наборе обратить на укомплектование оных по распоряжению министра Военных сухопутных сил всех причитающихся с Оренбургской и смежных с нею губерний рекрут, которых брать, несмотря, хотя

бы они ростом были ниже указанного полувершка и имели до 37 лет, но только были бы женаты... В эти батальоны определить также из поселений нахотных пехотных солдатских детей, которые еще по повелению 1797 года назначались для укомплектования полка Оренбургской линии...».

В марте 1800 года в гарнизонных командах повелено было иметь камзолы и штаны только одного цвета – белого. Нижние чины носили черные галстуки, а петлицы на рукавах и обшивки у шляп отменены.

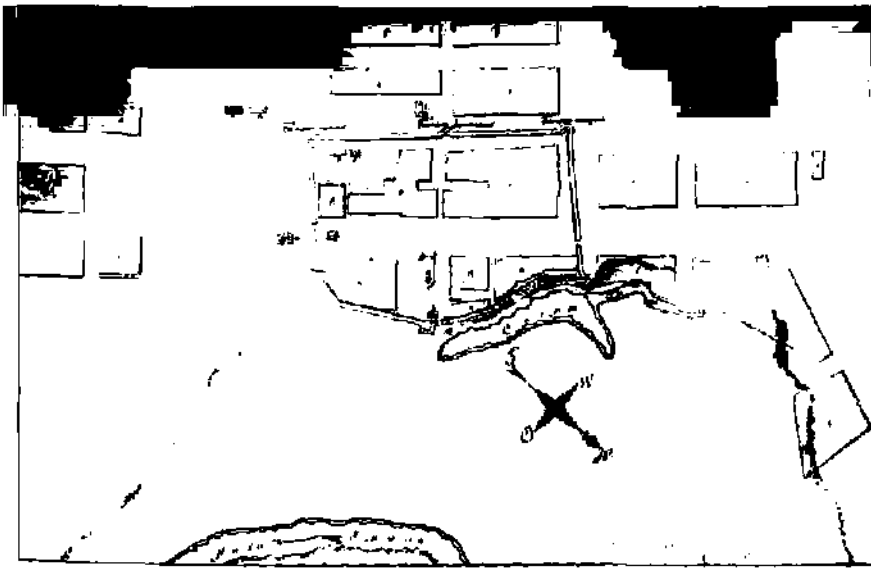
Офицерам было присвоено точно такое же обмундирование, но только шляпы с узким галуном. До конца 30-х годов XIX века основную тяжесть гарнизонной службы на Оренбургской пограничной линии несли части регулярной армии.

Срок службы солдат составлял 25 лет. Солдаты получали денежное содержание в размере 7 рублей серебром в год и 7-десятинный земельный надел, с которого и должны были кормиться.

В 1810 году командиром 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона и комендантом крепости Магнитной был назначен подполковник И. И. Мистров. С самого начала управления дистанцией И. И. Мистров, помимо организационной деятельности по ее охране, со всей присущей ему энергией взялся за обустройство быта гарнизона и в целом населения крепостей и редутов.

План крепости, составленный в 1811 году³⁸, позволяет увидеть насколько значительным стал фронт произведенных и начатых работ. Появился форштадт для поселенных в крепости казаков, расположенный на юго-востоке от крепости на расстоянии в сотню саженей.

Форштадт занимал площадь не менее чем сама крепость, то есть более 8 гекта-

План крепости Магнитной 1811 г.

Так сложилось, что жизнь и деяния И. И. Мистрова – яркой личности в ранней истории Магнитогорской округи – так и не получили должного отражения в местной краеведческой литературе, а имеющиеся упоминания отчасти содержат неверные и ошибочные сведения, односторонни и поверхностны. Итогом двадцатилетней службы И. И. Мистрова комендантом крепости Магнитной стали всеобщая любовь и признательность жителей дистанции к своему командиру.

В честь его заслуг на пожертвованные ими деньги был сооружен памятник. Надпись на сохранившейся литой чугунной плите гласит: «Наше усердие к бывшему в крепости Магнитной комендантом с 1810 по 1830-й год Его Превосходительству Господину Генерал-Майору и Кавалеру Ивану Ивановичу Мистрову 1-му. Жители крепости Магнитной и дистанции ей! Воздадим нашу благодарность сооружением сего памятника за благоразумное управление оною дистанциею Его Превосходительства! Сей начальник и вместе с тем отец по всей справедливости достоин нашей благодарности».

Сведения, которые удалось собрать о службе и жизни И. И. Мистрова, позволяют многое узнать о легендарном коменданте крепости Магнитной, жизни отдаленного гарнизона на Оренбургской пограничной линии, пополняя тем самым наши знания и представления о тех далеких временах, жизни Магнитогорской округи в первой трети XIX века. Иван Иванович Мистров прожил большую и достойную жизнь, которая всецело была посвящена бескорыстному служению Отечеству.

Родился он в 1763 году в сельце Полжин Суздальского уезда Владимирской губернии в небогатой дворянской семье. Здесь, в сельце, было небольшое родовое имение Мистровых, в котором насчитывалось 20 душ крестьян. Отец его состоял на военной службе в чине полковника, и семья жила только на средства, получаемые от его жалования и незначительного дохода с имения. Иван получил домашнее воспитание, и, как отмечено в его формулярном списке, «российской грамоте читать, писать. Арифметику, геометрию, историю и рисование знает».

Когда ему исполнилось 12 лет, отец определил его на военную службу и, расставаясь с ним, наградил родительским благословением и выдал ему единовременно и навсегда 50 рублей ассигнациями – это все, чем он мог помочь сыну.

С 1 марта 1775 года Иван начал свою службу капралом в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1781 году назначен капитанармусом, а в 1784 году был произведен в поручики с увольнением в отставку. Отец его к тому времени служил далеко от дома, являясь комендантом одной из крепостей в Крыму.

К сожалению, не удалось пока найти сведения о матери И. И. Мистрова, как не знаем – были ли у него братья, сестры. Через год, в 1785 году, Иван возвращается на службу и принят поручиком в Днепровский пехотный полк.

В Русско-турецкую войну (1787–1791 гг.) молодой офицер с 1789 года находился в беспрестанных походах и боях на полях Молдавии, Валахии и Бессарабии, участвовал во взятии крепости Измаил.

С 1792 года воевал с польскими конфедератами и в 1794 году за отличия

ров. Значительно разрослись жилые кварталы внутри крепости, отстроены артиллерийский и батальонный цейхаузы, лавки при церкви. Вокруг крепости шло строительство солдатского форштадта.

Часть его кварталов располагалась на юго-западе, здесь же был выстроен батальонный лазарет. Другая, большая, часть солдатского форштадта почти примыкала к западной стороне крепости, а его оконечность, огибая часть озера, протянулась на север. Солдатский форштадт по площади значительно превосходил казачий.

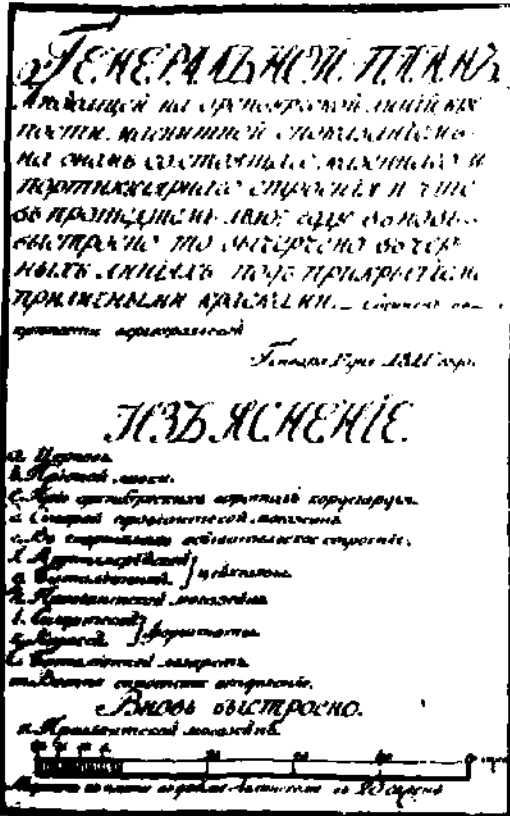
При рассмотрении плана видно, что проектирование казачьего и солдатского форштадтов велось по принципу порядковой застройки. Ряды прямоугольных кварталов жилых и иных строений, поставленных по красной линии, с соблюдением строгих правил пожарной безопасности были вытянуты параллельно реке Уралу.

При этом они являлись как бы продолжением планировки

внутрикрепостной застройки, кварталы которой также располагались параллельно Уралу. Подобная планировка была характерна для всех крепостей Оренбургской линии.

Параллельные реке улицы считались улицами, а перпендикулярные им – переулками. Соответственно и ширина улиц регламентировалась в 10, а переулков – 6 саженей. Регулярная основа планирования крепости Магнитной, подхваченная в последующие годы, широкие прямые улицы, обширные площади дошли не нарушенными до 30-х годов XX века.

С поселением казаков в станице Магнитной, а также редутах, входивших в ее дистанцию, они вошли в состав 5-го кантона Оренбургского казачьего войска. В 1826 году (по общему положению, – *Акт*.) к их числу прибавились отставные солдаты, живущие в крепости Магнитной, причисленные с их семьями к Оренбургскому казачьему войску. В те времена семьи военнослужащих содержали только небольшое количество скота, лошадей и занимались заготовкой сена. С ростом численности гарнизона крепости Магнитной, появлением оседло живущей общины казаков в пределах ее дистанции стало возможным развитие земледелия.

Объяснение к плану 1841 г.

в боях по Указу Государственной военной коллегии был произведен в капитаны. Следует добавить, что Главнокомандующими русской армии в военных кампаниях того периода были Потемкин, Румянцев и Суворов. Все они хорошо знали и ценили отважного офицера. Иван Мистров несколько раз находился ординарцем у Потемкина, Румянцев доверял особые поручения. Суворов называл его «*бравым солдатом*»⁵⁹, и когда был взят в плен польский генерал Тадеуш Костюшко, то для сопровождения его в Санкт-Петербург, Суворов выбрал Ивана Мистрова. В 1795 году Мистров служил капитаном в Ревельском пехотном полку, в 1796 – Нотебургском, а в 1801 году произведен в майоры.

В 1805 году переведен в Эстляндский пехотный, в дальнейшем переименованный в 9-й Егерский. С 1807 года – подполковник.

Эстляндский пехотный полк участвовал в новой войне с турками (1806–1812 гг.), и подполковник Мистров, проявляя «отличные мужество и храбрость», штурмовал со своим батальоном крепость Анапу, воевал в горах Кавказа и особо отличился при разбитии наголову 13 тысяч горцев, соединившихся с вышедшим из крепости турецким гарнизоном.

Здесь в сражении командир батальона подполковник И. И. Мистров получил две сильные контузии и был тяжело ранен пулей в ногу, навывлет, с раздроблением берцовой кости, и его эвакуировали в военный госпиталь в Севастополь.

19 июня 1809 года И. И. Мистров награжден орденом Святого Георгия 4-го класса⁶⁰. В статуте этого ордена указывалось: «*Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражении раны не принимаются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги: удостоивается одного единственно тот, кто не только обязанность свою исполняет во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием*».

По свидетельству современников, «*Во время этой последней кампании, сделанной под начальством маркиза де Травессе и Дюка Ришелье (в 1805–1814 гг. генерал-губернатор Новороссии. – Авт.), тот и другой удостоивали Мистрова всегда отличным своим вниманием, и когда его привезли изувеченного от ранения на военном корабле морем в Севастополь для излечения, то Дюк Ришелье сам многократно посещал раненого, и при предложении доктором отнять ногу Мистрова, сказал ему с французской вежливостью, что дело бывшее с горцами не стоит ноги прекрасного штаб-офицера*»⁶¹.

Иван Иванович долго лечился, ногу спасли, вынув из нее много осколков раздробленной кости, но по состоянию здоровья в сентябре 1809 года боевой офицер был отчислен состоять по Армии, и ему предстояло решить вопрос о своей дальнейшей судьбе.

И. И. Мистров принял предложение о гарнизонной службе в пограничном Оренбуржье и в августе 1810 года был назначен командиром 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона и комендантом крепости Магнитной.

Новый комендант прибыл в крепость через Оренбургские ворота. Тяжело опираясь на трость, он выбрался из дорожной повозки, и с этого момента начал отсчет времени, сложившегося из двадцати лет, в течение которого Иван Иванович Мистров был бессменным комендантом крепости Магнитной и командиром дистанции, включавшей ряд других населенных пунктов.

Ими являлись редуты: Спасский, Верхнекизильдский и Янгельский.

С самого начала управления вверенной ему дистанции И. И. Мистров, помимо организационной деятельности по ее охране, со всей присущей ему энергией взялся за обустройство быта гарнизона и в целом населения дистанции.

Казаки, поселенные в крепости, расположились отдельным форштадтом на юго-востоке от крепости, на расстоянии в сотню сажень. В самой крепости лепились друг к другу в основном мазанковые домишки и несколько казарм гарнизонных военнослужащих, несколько служебных и хозяйственных строений.

Неподалеку от Уральских ворот стояла церковь. На плане крепости Магнитной 1811 года видно, как разрослись жилые кварталы за 1–1,5 года, а также отмечены вновь построенные служебные и казенные строения⁶².

Рядом с Оренбургскими воротами было построено здание военно-сиротского отделения, о котором необходимо рассказать подробнее. Особое внимание Ивана Ивановича Мистрова было уделено детям военного звания. Солдатские сыновья числились со дня рождения за военным ведомством. Для их подготовки к военной службе еще в 1721 году начали создаваться гарнизонные школы, в которых детей обучали элементарной грамоте, военному делу, а также различным ремеслам – слесарному, кузнечному, столярному, сапожному.

Гарнизонные школы в 1798 году были переименованы в военно-сиротские отделения, воспитанники которых с 1805 года стали называться кантонистами. Дети обучались в школах с 7 лет (с 1824 года – с 10 лет. – Авт.).

Науки преподавались следующие: чтение, письмо, счет, Закон Божий. Наиболее одаренные обучались до 18 лет и выпускались унтер-офицерами различных родов войск. Кантонисты крепости Магнитной не составляли в то время батальон и были разбросаны по домам родителей, а обучение ограничивалось одною кирилловской азбукой. Построив для обучения детей здание, Иван Иванович ввел преподавание грамматики, арифметики, Закона Божьего, а по имени учителя рисования, сам вел преподавание этого предмета. Из-за отсутствия в то время печатных уставов воинской службы, он сам составил необходимые правила как по обязанности солдата вообще, так и другие, относящиеся к воинской службе.

Многие детские игры получали с его поддержкой воинское направление. Например вместо игры в бабки Иван Иванович приохотил их стрелять, тем самым приучая к совершенному владению оружием.

В 1817 году в Верхнеуральском военно-сиротском отделении учились 39 солдатских детей в возрасте от 12 до 17 лет и, как отмечено в списке, лично составленном И. И. Мистровым, «*четыре воспитанников от отцов их рядовых в миновавшем 1816 году поданы на Высочайшее имя прошения о определении их в службу в 3-м линейном оренбургском гарнизонном батальоне*...»⁶³.

О детях гарнизона у нас будет повод еще поговорить, а здесь расскажем о других комендантских заботах – хозяйственных. Гарнизоны крепостей к этому времени фактически находились на самообеспечении, и все необходимое давала земля.

Об этой стороне деятельности коменданта один из современников писал так: «*Чтобы заставить и приохотить жителей Магнитной крепости к полевым работам, Иван Иванович во время посева хлеба выезжал верхом очень рано на заставу и сторожил проезжающих на пашни; кто просыпал урочный час и ехал задом, того отечески журил, даже наказывал телесно.*

Часто в полдень, под палящими лучами солнца он объезжал хлебные поля и

сенокосы и если замечал, что хозяин беспечно спал, а его лошадь стояла не напоенная, повесил голову, тогда и палочкою своею будил засоню и заставлял сначала позаботиться о животном, а потом уже ложиться, и притом ненадолго.

Во время созревания хлеба, он тоже имел правило проверять урожай. Если замечал, что две смежные полосы неодинакового качества, тогда удостоверился, отчего происходит это, если причиною малого урожая было худое вспахивание земли, тогда хозяина той полосы за леность наказывал, а соседа его за усердие поощрял пахвалой и даже наградой. Чтобы соединить полезное с приятным и для выгоды общезнания связать подчиненных интересами, Иван Иванович во время жатвы хлеба и сенокосения звал помощников, на которых часто присутствовал сам, не в качестве

Воинский портрет офицеро-старшего Отдельного Оренбургского полка. 1817—1823 гг.

начальника, но как радушный, веселый и знающий свое дело хозяин.

Тогда десятки работников разного пола и возраста покрывали рабочее поле, воздух оглашался веселыми песнями, также шумом скошенного сена или падающих снопов, и в несколько часов целые десятины пустели, превращаясь в сотни копен или снопов. Любо и весело было тогда доброму начальнику смотреть на картину взаимной помощи. Работа нескольких недель оканчивалась за несколько часов, и хозяин выжидал уже ясной погоды для жатвы и не боялся за порчу хлеба. Пляски, песни с бубнами и разгульное хмельное веселье оканчивали дневной труд и пир. Подобные помочи имели еще и другую цель — взаимную оборону от действий недружелюбных киргиз.

Малейшая неосторожность в то время со стороны обывателей давала возможность киргизцам нападать на беззащитных, особенно во время полевых работ, и увлекать в плен. Чтобы отератить подобные несчастья, Иван Иванович из нескольких мест собирал добровольцев для одного промысла.

Например для рубки леса в степи, для рыбной ловли и составлял из них вооруженные караваны, часто из 600 подвод, и также совокупными силами, угрожая киргизцам, он обезопасивал работы. Его здравый ум, его воинственная осанка, его заслуги Отечеству, запечатленные кровью, давали ему особенный вес и значение, особенно между азиатами. Зная, что на кочевые народы, сильнее действует страх, нежели меры кротости, он умел внушать его в полной силе, указывая киргизу на какую-нибудь качель, грозя повесить за нарушение присяги, а русского буйна страшил приморозить на Магнитной горе.

В 1813, 1814, 1818 годах И. И. Мистров удостоивался Высочайших благоволений за отличную исправность, устройство и порядок во всех частях батальона от лица инспектировавших линейные батальоны командиров Отдельного Оренбургского корпуса. В 1816 году значительно расширился круг его обязанностей и забот.

Он был назначен командующим 2-й бригады 26-й дивизии с оставлением обязанностей прежних своих должностей. Под его командованием находились гарнизоны крепостей и редутов от крепости Верхнеазерной до Магнитной⁶⁴.

С тем, чтобы избавить дистанцию от частых тревог, вызываемых взаимными налетами друг на друга башкир и степняков, или баранты, уничтожения между ними взаимного хищничества. И. И. Мистров убедил каждую из этих сторон содержать кордонную стражу на берегах Урала, и это его решение оказалось действительным.

Среди башкирского населения И. И. Мистров был особо уважаемым и авторитетным представителем русской местной администрации. В прошениях на имя оренбургского военного губернатора о каких-нибудь тяжбах или ссорах они присоединяли просьбу исследовать эти дела Мистрову, которого они называли не иначе, как Атай (отец. — Авт.).

В декабре 1819 года за отличия по службе И. И. Мистров был произведен в полковники. К этому времени, судя по послужному списку, он был вновь при исполнении двух прежних своих должностей — командира 3-го Линейного батальона и коменданта крепости Магнитной.

При всей своей загруженности по службе Иван Иванович всегда находил время для общения с детьми гарнизона. Своих детей у него не было, и он с женой относились к ним с родительской любовью, окружали заботой и вниманием. Как уже было сказано, Иван Иванович составил для учащихся правила о воинской службе и всякого знавшего твердо эти правила поощрял вниманием и наградой.

Для дальнейшего их культурного, интеллектуального или, как говорили тогда, умственного развития Иван Иванович решил учредить театр. Для этого он выписал многие известные в то время пьесы, и, размышляя, как воплотить в жизнь задуманное, пригласил учителя кантонистов, и дал ему комедию Фонвизина «Недоросль», приказав раздать роли по способностям каждому ученику, полагая при этом, что учитель имеет представление о драматическом искусстве.

Через две-три недели Иван Иванович спросил учителя, разумена ли комедия, и учитель уверенно ответил, что роли давно разучены и ученики их знают твердо, а потому в этот же день и была назначена репетиция. Каково же было удивление Ивана Ивановича, когда на сцену стали выходить ученики, вызываемые учителем по порядку, как они следовали по ролям в комедии, и скороговоркой, в один дух, выпаливали свои монологи. К тому же и роли были распределены так, что совсем не соответствовали назначенному для ее исполнения тому или иному ученику.

Скрывая свое неудовольствие, Иван Иванович прекратил это курьезное представление и взялся объяснять и растолковывать, что такое театр и как должны происходить сцены. Потом он назначил кому какие исполнять роли и, как вспоминал Василий Леонов, современник И. И. Мистрова, «послал попарно одних для роли Митрофанушки, подмечать манеры к известному в том месте недорослю, который за слабоумием и уродливостью был выслан из армии, другую пару для роли Простаковой, к женщине, известной своей оригинальностью и т. д.

Офицер и капитан Оренбургского истремительного кавалерийского полка. 1803—1808 гг.

Таким образом, молодые люди, всегда способные к переменчивости. Были в короткое время ознаменены с драматическим искусством».

Со временем театр крепости Магнитной приобрел большую известность и значимость. На его представлениях съезжались из дальних мест и даже Оренбурга — столицы степного края. К характеристике коменданта Магнитной можно добавить свидетельство современника о том, что в крепости у Ивана Ивановича было два дома.

Один из них он выстроил сам, а второй получил в приданое за женой. Этот дом был им назначен под гостиницу для всех приезжающих по служебным или личным делам людей благородного звания без оплаты денег, даже если они проживали и по несколько дней. На дверях этой гостиницы имелась надпись: «Вот приют гостеприимный, всякой смелою входи ногой, хотя избыток небольшой, но путник в нем найдет покой».

Когда в 1830 году в губернии свирепствовала холера и нельзя было заезжать в эту гостиницу, Иван Иванович высылал все съестное на дорогу и был очень рад, когда его предложение не отвергалось.

В 1823 году Мистров награжден орденом Святого Владимира 4-й степени за выслугу положенных в офицерском чине 35 лет. В том же году, по Высочайшему повелению, данному Правительствующему Сенату, за отличную службу и успешное исполнение сверх настоящей обязанности поручения в усмирении неповиновавшихся крестьян на заводах Пермской губернии (Кыштымских. — *Авт.*) Всемилостивейше пожалованы в вечное и потомственное владение 2 тысячи десятин земли в Оренбургской губернии.

В 1828 году за отличие по службе произведен в генерал-майоры с назначением командиром 2-й бригады 28-й пехотной дивизии. В ноябре 1831 года по Высочайшему приказу назначен начальником штаба в Отдельный Оренбургский корпус с состоянием по Армии.

В 1832 году за отличную усердную и постоянно полезную службу пожалован орденом Святого Станислава 1-й степени, в том же году приказом, отданным по корпусу, за № 21 объявлена полная признательность корпусного командира генерал-адъютанта графа Сухтелена за успешное течение дел и совершенный порядок по управлению корпусом и пограничной частью во время шестимесячного отсутствия графа Сухтелена, находившегося в Санкт-Петербурге.

В послужном списке И. И. Мистрова отмечено и его опекуновство над двоими детьми «малолетней девицы Желтобровиной» и сына полковника Медянина, первой — с 1815 по 1821 год и последнего — с 1817 по 1825 год.

А теперь познакомимся с рапортом командующего Отдельным Оренбургским корпусом генерал-адъютанта Перовского, который он направил военному министру 7 августа 1833 года. «Начальник Штаба вверенного мне Корпуса подал на Высочайшее имя прошение о увольнении его от им занимаемой должности, по причине разстроенного здоровья, с отчислением по Армии. Сколь ни желательно бы мне было, во время Командования мною Отдельным Оренбургским Корпусом, видеть Генерал-Майора Мистрова на занимаемом им ныне месте, по посему все трудные и многочисленные обязанности, исполнял он с отличным и постоянным усердием; но я удостоверился, что здоровье разстроенное от долголетней близ шестидесяти лет продолжавшейся службы, а равно и страдания от полученных ран,

суть истинные причины заставляющие сего Генерала, оставить действительную службу, на коей он столь долгие время с пользою находился.

Представляя при сем как прошение Генерал-Майора Мистрова, так и послужной о нем список на усмотрение Вашего Сиятельства, я долгу считаю присоветовать, что Генерал-Майор Мистров совершенно никакого состояния не имеет кроме Всемилостивейше дарованных ему аренды и двух тысяч десятин земли, на которую покупателей не находится и которая ему ничего не приносит.

По сему я осмеливаюсь убедительнейше просить Ваше Сиятельство, при испрошении Высочайшего повеления на отчисление Генерал-Майора Мистрова вследствие желания его по Армии, вместе с тем принять труд исходатайствовать оставление при нем всех окладов и деньщиков коими он теперь пользуется.

Таковая Монаршая милость даст Генерал-Майору Мистрову возможность ожидать в безбедном состоянии конца жизни проведенной с честью и беспорочно на службе»⁶⁵.

Сохранился и другой интересный документ, который также приводим здесь полностью.

25 февраля 1831 года

Оренбургскому военному губернатору господину Генерал-адъютанту и кавалеру Графу Сухтелену 2-му. Командира 2-й Бригады 26 пехотной Дивизии, Генерал-майора Мистрова

РАПОРТ

Получив при повелении Вашего Сиятельства от 1-го числа сего февраля за № 262 в копии донесение Оренбургской Казенной Палаты за № 195, коим она просит Вашего Сиятельства содействия в принятии мною решительных мер ко скорейшему вступлению во владение Всемилостивейше пожалованной мне земли 2000 десятин.

На сие, Вашему Сиятельству донести честь имею, что означенная земля именным Высочайшим Указом в 9-й день июня 1823 года, пожалована мне Оренбургской губернии в Бугурусланском уезде, где по неизвестности мне положения мест в угодьях и по случаю того занятия мною трех должностей, для избрания одного отправиться было мне не возможно, в чем я сделал и отзыв Казенной Палате, поручив лично оную землю избрать самую удобную.

Которая по сему, назначив мне таковую по плану, Бугурусланского уезда в даче сельца Покровского, Новикова тож, утверждена за мною Правительствующего Сената Межевьем Департаментом 1825 года апреля 13-го дня, потом Палата действительно неоднократно требовала меня к принятию оной и с тем вместе просила доставить пошлинных и на все расходы в казенный доход с лишком 800 рублей, как мне по долгу службы моей отлучиться ни как не возможно тем паче еще в летнее время... а поверенного послать некого, поелику здесь чиновники все военно служащие, которые заняты всегда службою, а из отставных кому бы можно было поручить никого совершенно не имеется, да и недостаточное мне состояние без продажи наперед той земли внести за оную в казну столь значительную сумму совершенно не позволяет, ибо на содержание себя и дворовых своих людей имею только одно получаемое мною жалованье, которого для сие только может доставать.

Итак по сие обстоятельству, я просил Г. Оренбургского Гражданского Губернатора, повестить чрез исправников Г. Г. дворянам не найдутся ли желающих к покупке оной

земли, да и сам старался прискивать оных, но желающих и по сие время никого не является, как по-видимому та земля отмежована не так для помещиков по известности им выгодно и без леса, а поселить на оную из своих дворовых людей по малочисленному количеству оных мне не кого и хотя пред сим имел не большое имение в Владимирской губернии, но истинно прожил оное на службе Его Императорского Величества (выделено мной. — Авт.). По всем выше изъясненным причинам всекорнейше прошу Вашего Сиятельства не лишить меня Начальнического Вашего ходатайства у Монаршего престола, дабы обратил Всемилостивейше пожалованную мне ту землю 2000 десятин по-прежнему в казну, а мне за оную выдать хотя бы половинное количество противу стоящей цены от казны сумму, поелику я заплатил за оную пошляны, при том и понеся сверх оных ощутительные издержки.

На поездку самому для принятия оной, или на наемку поверенного и на прогону оному едва ли когда могу дожидаться по не молодым моим уже летам каковой от сей земли пользы, для казенного же распоряжения она могла бы быть полезна и удобна на заселение переводимых крестьян изнутри России разных губерний людей сюда в Оренбургскую губернию и возвращающихся обратно из Сибирских губерний.

По сим объясненным мною обстоятельствам, позвольте Ваше Сиятельство надеяться Милостивого Вашего представительства у Монаршего престола.

Генерал-майор Мистров

Иван Иванович Мистров после выхода в отставку уехал из Оренбуржья — края, в котором прошли 20 лет его жизни. Он оставил о себе добрую память в сердцах и душах тысяч людей, служивших под его началом или общавшихся с ним за долгие годы его службы в степном пограничном крае.

Поселился Иван Иванович в городе Нижнем Новгороде, где купил еще крепкий деревянный дом с флигелем и хозяйственными строениями. Всевишний даровал ему долгие годы жизни.

Эти годы жизни старого генерала сокрыты завесой времен, но отыскалось его имя в газете «Нижегородские губернские ведомости» за 1846 год, где он дважды числится в списках нижегородцев-жертвователей в фонд в пользу бедных, а также выявлены документальные свидетельства о наименовании улицы в г. Нижний Новгород, на которой располагался дом Ивана Ивановича, Мистровской еще при жизни самого И. И. Мистрова⁶¹¹.

Так современники-нижегородцы увековечили память о его заслугах перед Отечеством. Земной путь Ивана Ивановича закончился в 1849 году, 25 августа, на 86 году его жизни. Название улицы Мистровской в г. Нижний Новгород не сохранилось. Улица была переименована после 1917 года и меняла названия еще два раза. В наши дни она носит имя академика медицины, почетного гражданина г. Нижний Новгород — И. Н. Блохиной. Но уцелела чудом чугунная плита с разрушенного памятника И. И. Мистрову, изготовленная на средства пожертвованные населением дистанции, где он был командиром батальона и комендантом крепости Магнитной.

Плита бережно хранится в Магнитогорском краеведческом музее. Быть может, когда-нибудь память о легендарном коменданте, ныне замкнутая в музейном пространстве, выйдет вновь на вольный простор правобережья Урала, воплощенная в названии улицы или переулка.

На поездку самому для принятия оной, или на наемку поверенного и на прогону оному едва ли когда могу дожидаться по не молодым моим уже летам каковой от сей земли пользы; для казенного же распоряжения она могла бы быть полезна и удобна на заселение переводимых крестьян изнутри России разных губерний людей сюда в Оренбургскую губернию и возвращающихся обратно из Сибирских губерний.

По сим объясненным мною обстоятельствам, позвольте Ваше Сиятельство надеяться Милостивого Вашего представительства у Монаршего престола.

Генерал-майор Мистров

УПРАВЛЕНИЕ
ОРЕНБУРГСКОГО
ВОЕННОГО
ГУБЕРНАТОРА.
КАНЦЕЛЯРИИ,
ОУЧ. ЧАСТИ И
СМОЛ. Ч.
№ 244.

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ

В самом начале XIX века гарнизоны крепостей фактически находились на самообеспечении, и все необходимые для пропитания продукты получали от сельскохозяйственной деятельности, в процессе которой расширялись не только площади посевов, но и виды высеваемых культур. Росло поголовье скота, лошадей. Несмотря на предпринятые меры по усилению гарнизонов, увеличению численности Оренбургского казачьего войска, жизнь в прилинейных поселениях по-прежнему оставалась тревожной. Наиболее слабым звеном Оренбургской пограничной линии являлся участок от Орской до Верхнеуральской крепости.

На все полевые работы казаки, солдатские семьи выезжали большими вооруженными командами. Яркой иллюстрацией к сказанному являются воспоминания современника коменданта крепости Магнитной И. И. Мистрова, с которыми мы уже знакомы. Военный губернатор Г. С. Волконский, управлявший Оренбургской губернией в 1803–1817 годах, сообщал в Санкт-Петербург: «Киргизы-кайсаки, проходя через линию, грабят мирное население прилегающей к границе полосы.

Нанимаясь у крепостных жителей в работники, они изыскивают случай заставить башкирские и казачьи табуны, места, где удобно перегонять через Урал рабочий скот, и совершают дерзкие грабежи».

⁶¹¹ Фрагмент рапорта генерал-майора И. И. Мистрова на имя оренбургского военного губернатора. 1831 г.